

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

На основе трансспективного анализа В. Е. Клочко рассмотрены три взаимосвязанные тенденции современной психологии: сдвиг от куновских парадигм, не играющих инструментальную роль в психологии, к синтагмам; от научного метода – к прикладной технологии и монокультурной психологии – к кросс-культурной психологии.

Ключевые слова: трансспективный анализ, парадигма, синтагма, метод, технология, американоцентризм, европоцентризм, кросс-культурная психология.

Транспективный анализ В. Е. Клочко как инструмент изучения тенденций психологии

Инструментом изучения тенденций развития современной психологии избран *трансспективный анализ*, т. е. анализ, выявляющий тенденции, проявляющиеся в виде закономерного движения по линии все более многомерного количественно-качественного изучения мира и усложнения внутренней структуры, и основанный на том, что самоорганизация в области психологии в отличие от естественных наук «идет не через случайность, а через необходимость и возможность, целесообразность и телеологичность» [Клочко, 2005. С. 11], а тенденции реализуются, чаще всего минуя волю людей, работающих в науке, обладают внутренней силой на свое осуществление и проявляются в виде общих направлений развития системы [Там же. С. 97].

В. Е. Клочко утверждает, что «трансспективно мыслящий аналитик по изменениям вычисляет тенденции» [Там же. С. 36], и трансспективный анализ можно применить к истории психологии, «открывая движение науки как закономерное, конституируемое и манифестируемое этапами становление, превращение в научную систему, детерминированное все более системным определением предмета науки» [Там же. С. 43]. Про-

блема заключается в том, чтобы выявить тенденции, вербализовать их, добиться консенсуса в научном сообществе и не ошибиться в выборе.

В статье описаны три, на наш взгляд, ведущие тенденции развития современной психологии. Они являются взаимосвязанными и имеют в информационном обществе сходные предпосылки, характерные для науки в целом, и черты, специфические для психологии. Обоснован переход от парадигмального принципа построения науки к синтагматическому. Первый из них, предложенный Т. Куном, укоренен в индустриальном обществе, адекватно описывая в нем трансформации естественнонаучного знания. Однако при переходе к постиндустриальному, а затем к информационному обществу он перестал выполнять свою инструментальную функцию. В конце XX – начале XXI в. альтернатива, причем общая для естественных, инженерных, социальных и гуманитарных наук, появилась. Это синтагма – методологическая платформа, рожденная информационным обществом.

Далее описан сдвиг от научного метода к прикладной технологии. Он также равно характерен для естественных, инженерных, социальных и гуманитарных наук в информационном обществе. Однако в естественных науках технологии возникают как следствие открытий в области фундаментальных

исследований, в то время как для социогуманитарных наук эта связь менее очевидна, а их достижения уступают по значимости научно-техническим новшествам. Рассмотрен также специфический для психологии переход от американо- и европоцентризма к кросс-культурализму.

Социогуманитарная альтернатива естественнонаучной парадигме

Почти полвека понятие «парадигма» связано с именем Т. Куна вместе с предложенными им концепциями «парадигмального сдвига» и несоизмеримости «нормальной» и «революционной» науки. Его труд «Структура научных революций» (далее СНР) является одной из наиболее часто цитируемых научных книг за все времена [Bird, 2004]. М. Вартофский оценивает его как *супербоевик*, «раздражающую, наивную, путаную и провоцирующую работу, которая благодаря всему этому произвела великолепный взрыв» [1988. С. 111].

Вклад Т. Куна представляется двойственным и парадоксальным. С формальной точки зрения он бесспорен. А. В. Койре разработал концепцию научной революции XVI–XVII вв. и продемонстрировал несоответствие постулатов позитивизма историческим фактам. Однако именно СНР подвела убедительный и неутешительный для логических позитивистов итог работы по созданию «стандартной концепции» структуры и кумулятивной модели роста научного знания [Степин и др., 1995]. К. Поппер одним из первых извлек уроки из краха теории И. Ньютона и перенес центр тяжести с анализа логической структуры итогового научного знания на динамический процесс, в котором оно возникает. М. Полани противопоставил эпистемологии без познающего субъекта К. Поппера концепцию личностного знания и показал обусловленность развития науки социально-психологическими и культурно-историческими детерминантами. Их работы, безусловно, не так известны научному сообществу, как СНР. На фоне распространенной среди ученых-естествоиспытателей точки зрения, что «философия – это злоупотребление специально разработанной терминологией» [Вигнер, 1971], в СНР был предложен новый подход, сблизивший философию науки с ее историей и

давший импульс постмертоновской социологии научного знания.

Никакие другие конструкты в данной области: «личностное знание» и «спонтанный порядок» М. Полани, «фальсифицируемость» К. Поппера, «исследовательская программа» и «рациональная реконструкция» И. Лакатоса, «эпистемологический анархизм» П. Фейерабенда, равно как и «дисциплинарная матрица» самого Т. Куна, не продавались столь же успешно на рынке идей. «Парадигма» и «парадигмальный сдвиг» вошли в лексикон культурных людей наряду со «стрессом», «комплексом неполноценности» и другими научными терминами. История не знает сослагательного наклонения, но если бы Т. Кун сохранил термин «традиция», использованный в предшествовавшей СНР монографии «Коперниканская революция» вместо «парадигмы», то ее ход, возможно, изменился бы. По мнению Ю. Н. Давыдова, своей популярностью книга Т. Куна обязана прежде всего понятию «научная революция», созвучному настроениям западной интеллигенции в 60-е гг. XX в., использованию модели социальной революции и социологических методов при анализе академических вопросов [Современная..., 1990. С. 151]. После распада СССР отношение многих интеллигентов к революции изменилось, однако взгляды Т. Куна по-прежнему находятся в центре внимания методологов не только как часть классического наследия, но и как актуальный референт.

С содержательной точки зрения, однако, идеи Т. Куна остаются спустя полвека дискуссионными. Изначально они подверглись резкой и не всегда справедливой критике. И. Лакатос, например, утверждал, что «с точки зрения Куна, изменение научного знания – от одной “парадигмы” к другой – мистическое преобразование, у которого нет и не может быть рациональных правил. Это предмет психологии (возможно, социальной психологии) открытия. Изменение научного знания подобно перемене религиозной веры» [Лакатос, 2003. С. 11]. В современном науковедении принят в качестве правдоподобного приближения времени выживания теории в краткосрочной перспективе период в 50 лет. «Живучесть» и привлекательность идей Т. Куна не вызывают сомнений, а причины амбивалентности естественно искать в особенностях его личности и жизненного

пути, межличностных отношений с коллегами старшего поколения и сверстниками, в *Zeitgeist*, духе времени.

В 1965 г. в Лондоне состоялся коллоквиум, посвященный философии науки. Его центральным событием должны были стать дебаты с участием сверстников – Т. Куна, П. Фейерабенда и И. Лакатоса, однако последние двое не явились, и все внимание было уделено Т. Куну [Bird, 2004]. Дискуссия с сэром К. Поппером, принадлежавшим к старшему поколению, подчеркнула значимость новых идей. Итоговые материалы коллоквиума со статьями П. Фейерабенда, предложившего в 1962 г. независимо от Т. Куна тезис о несоизмеримости научных теорий [Preston, 2009], и И. Лакатоса были опубликованы в 1970 г. В этом же году вышло второе издание СНР, в котором Т. Кун отверг обвинения в приверженности иррационализму и релятивизму.

Как и в случае других популярных теорий, обнаружили ее предшественники и ученые, оказавшие на Т. Куна влияние. Исследователи творчества М. Полани обратили внимание на то, что описанная в его работах смена *интерпретативной схемы* напоминает парадигмальный сдвиг Т. Куна [Moleski, 2006]. Идею сходства дополнялось тем, что осенью 1958 г. М. Полани выступил с докладом в Пало Альто, на котором присутствовал Т. Кун, вероятно, обдумывавший содержание СНР, в первом издании которого ссылки на работы М. Полани с признанием его приоритета отсутствовали. Хотя публичные обвинения в плагиате предъявлены не были, представляется подкрепленным частной перепиской [Ibid.], что крупный ученый в области физической химии, учитель двух нобелевских лауреатов – Ю. Вигнера и М. Кэлвина, отец нобелевского лауреата Дж. Полани, сменивший «большую» науку на философию, был недоволен тем, что слава досталась не ему, а Т. Куну, не проявившему себя в физике. Справедливости ради отметим, что концепции М. Полани и Т. Куна, помимо сходства, содержали мировоззренческие отличия. Первый был реалистом и считал, что «истина», по крайней мере в естественных науках, предопределена реальностью и не зависит от ожиданий и убеждений отдельных ученых. Второй отрицал свою принадлежность к релятивистам, однако утверждал, что в каждый конкретный момент времени «исти-

на» не может быть установлена с помощью объективных критериев и определяется консенсусом научного сообщества.

Поскольку Т. Кун не занимал в течение академической карьеры административных постов, не создал научную школу, включающую добившихся успеха учеников, его влияние на современников можно объяснить способностью заражать других своими идеями, т. е. лидерскими качествами. На наш взгляд, *Т. Кун может быть отнесен к мозаичным вождям* [Московичи, 1998].

В индустриальном обществе на смену ученому – читателю «книги природы», стремившемуся познать суть вещей и явлений, пришел «купец истины», производитель новых знаний, нуждавшийся в общепризнанных моделях постановки проблем и их решения – парадигмах, предложенных Т. Куном, лучше других почувствовавшим дух времени и удовлетворившим соответствующий социальный заказ. Однако индустриальное общество сменило постиндустриальное, затем информационное (сетевое), а схема, закрепленная в СНР, оставалась неизменной. В 60-е гг. XX в. Т. Кун инициировал революцию в области истории и философии науки, предложил новую парадигму ее развития, нуждающуюся в связи с трансформацией общества, культуры и науки в замене. Например, по его мнению, «одно из наиболее строгих, хотя и неписаных, правил научной жизни состоит в запрете на обращение к главам государств или к широкому массам народа по вопросам науки» [Кун, 2001. С. 217]. Современные научные сообщества добиваются представительства в ООН и ЮНЕСКО; лоббируют назначение на должности в правительстве своих членов, которые гордятся статусом советника Президента по G8 больше, чем научным и административным статусом среди коллег; озабочены «видимостью» в СМИ не меньше, чем профессиональными достижениями [Anderson, 2008].

С оговоркой, сформулированной ниже, автор согласен с тем, что «к большинству современных и вновь возникающих систем научного знания, которые не носят монодисциплинарного характера, парадигматическая концепция неприменима. Такие системы, используемые для решения обширного класса теоретических и практических задач, должны иметь свой особый системообразующий принцип» [Ракитов, 2003а. С. 132].

Перед тем, как сформулировать его, рассмотрим особенности применения парадигмального принципа к социогуманитарным наукам.

Первоначально Т. Кун не предполагал, что понятие парадигмы подходит для социальных наук. Более того, в предисловии к СНР он объяснял, что основные идеи книги возникли в поисках различия между сообществами специалистов в области общественных и естественных наук. Однако привлекательный термин начал жизнь, независимую от предложившего его автора. Труды под названием «парадигма социального обеспечения и социальной работы», «синергетика как парадигма социального мышления», «парадигмы логистики» и т. п. можно отнести к области «трепативного науковедения» [Там же. С. 128].

Перейдем к рассмотрению более солидных теоретических конструкций. Дж. Ритцер дает следующее определение: «Парадигма – это фундаментальный образ предмета изучения науки. Она служит для определения того, что должно изучаться, какие вопросы должны ставиться и как, каким правилам нужно следовать при интерпретации полученных ответов. Парадигма представляет собой наиболее общий блок единодушия в науке и служит для отделения одной научной группы (или подгруппы) от другой. Она классифицирует, определяет и соотносит существующие в ней образцы, теории, методы и инструменты» [2002. С. 570–571]. Он анализирует три господствующие в социологии, с его точки зрения, парадигмы: *социальных фактов, социального определения и социального поведения*, выделяет и описывает в каждой из них четыре элемента: *образец, определение предметной области, методы и теории*. Итогом работы стала интегрированная социологическая парадигма, объединяющая микро- и макроуровни как в объективных, так и в субъективных формах [Там же. С. 419–420]. Принятие парадигмы, по Т. Куну, повышает эффективность деятельности ученых и способствует, в рамках нормальной науки, ее прогрессу. Выполнила ли эти функции интегрированная парадигма Дж. Ритцера за 30 лет с момента ее формулировки? Безусловно, нет. Получившаяся схема удобна для изложения социологических теорий в университетском учебнике, но, в отличие от куновской модели, которую можно объяс-

нить школьнику, не позволяет понять динамику и логику развития социологии.

В психологии из четырех возможных статусов по отношению к «парадигме», порождающих различное видение ее прошлого и текущего состояния, тенденций и перспектив: допарадигмального, парадигмального, мультипарадигмального и внепарадигмального рефлексирующая часть сообщества психологов методом исключения предпочитала в недавнем прошлом третий [Юревич, 2010б. С. 101] и в настоящее время четвертый [Там же. С. 120], возможно потому, что признавать допарадигмальный, донаучный статус в XXI в. унизительно, а парадигмальный – отсутствует. Заметим, что в последнем, внепарадигмальном случае, преодолевается *комплекс непохожести* на точные науки [Юревич, 1999], но необходимо предъявить иной, специфический термин и концепцию, желательнее не менее привлекательные, чем парадигма.

А. В. Юревич не признает парадигмальный статус бихевиоризма, когнитивизма и психоанализа из-за того, что они выполняют неполный набор парадигмальных функций, и характеризует их как метатеории [Там же], позднее он отнес их к базовым психологическим «идеологиям» [Юревич, 2010б]. Отталкиваясь от идеи Т. Куна о том, что в процессе смены парадигм основную роль играют не когнитивные, а социальные факторы, он приходит к понятию *социодигмы*, обоснованно оценивая подобную внутри-дисциплинарную разобщенность как выходящую за пределы противостояния парадигм. Итогом его работы стала иерархическая классификация когнитивных систем, взятая за основу в табл. 1 [Юревич, 1999].

Изучение гипотезы о полипарадигмальности психологии может быть отнесено к регрессивным исследовательским программам в смысле И. Лакатоса. В поисках выхода обратимся к метафоре Т. Куна о том, что парадигма – это заранее сколоченная и довольно тесная коробка [2001. С. 50]. «*Коробочное*» мышление, мышление внутри коробки свойственно нормальной науке. «Мышление вне коробки» характерно для революционной науки (как правило, не приводящей к успеху). Представляется, что в случае психологии в качестве коробки выступает *монодисциплинарный подход*, желание решить все проблемы внутри своей

Таблица 1

Классификация когнитивных систем

Когнитивные системы	Примеры	Конституирующие признаки
Метатеории, «идеологии»	Ассоцианизм, бихевиоризм, психоанализ, структурализм, гештальтизм, функционализм, когнитивизм, трансперсонализм	Объяснение психологической реальности, методы ее исследования
Парадигмы	Естественнонаучная, герменевтическая	Модели человека, подходы к его изучению
Социодигмы	Теоретическая, исследовательская; практическая (прикладная)	Внутридисциплинарные сообщества
Метадигмы	Западная наука, восточная наука, кросс-культурализм, паранаука, религия, искусство	Типы рациональности

дисциплины, своего профессионального общества.

Достаточно расширить кругозор, как в поле зрения попадают возможности, связанные с тем, что психология испытывает на себе внешние воздействия, в частности, принимает участие в процессе *коэволюции*, совместном развитии науки и общества. При этом социальным изменениям в цепочке «доиндустриальное общество – индустриальное общество – постиндустриальное общество – информационное общество» соответствует цепочка трансформаций статуса психолога, целей его деятельности и критериев прогресса психологии [Гарбер, 2009]. Не меньшее значение имеет тенденция развития по схеме «классическая – неклассическая – постнеклассическая» (В. С. Степин), а также смена модерна в культуре и общественной жизни на постмодерн, представленная в табл. 2 схемой И. Хасана [Post-modern..., 1998].

Она составлена в бинарной логике противостояния «модерн – постмодерн»; содержит множество литературоведческих и филологических терминов, далеких от повседневной практики большинства психологов (таких как ризома, паратакис, метонимия и т. п.); отдает явное предпочтение герменевтическому подходу. Однако и без детального знания терминологии ясно, что «парадигме» противопоставлена «синтагма» (от греч. σύνταγμα – сопорядок, вместе построенное, соединенное), и это сделано на фоне сетей семантических взаимосвязей, от которых они получают свой смысл и значе-

ние. В подобных сетях, согласно К. Данцигеру, изменения смысла одного термина не являются независимыми от изменений смысла других терминов, и значение каждого термина зависит от места, которое он занимает в соответствующей дискурсивной формации [Danziger, 1997. P. 13]. Перейдем к обоснованию того, что на смену парадигмальному подходу идет синтагматический, приемлемый как для естественных, так и для социогуманитарных наук.

В своих работах Т. Кун описал создание СНР, ключевые идеи предшественников, на которые он опирался в своих рассуждениях. Однако в доступной нам литературе не удалось найти, каким образом он пришел к мысли использовать основной и наиболее привлекательный термин «парадигма» и изменить его смысл, принятый в лингвистике. Ниже представлена попытка рациональной реконструкции истории в духе И. Лакатоса. Безотносительно к тому, верна она или нет, ее главной целью является *обоснование синтагматического подхода к современной науке* по аналогии с принятым ныне парадигмальным. Более того, предполагается, что предлагаемая методологическая платформа («синтагма») может стать общей для естественных, инженерных, социальных и гуманитарных наук. Она удобна для сравнения проблем, методов, теорий, достижений и ограничений этих наук, плодотворного междисциплинарного обмена.

Первоначально Ф. де Соссюр – «отец» лингвистики XX в. – выделил два вида отношений, *синтагматические* и *ассоциатив-*

Таблица 2

Различия между модернизмом и постмодернизмом

Модерн	Постмодерн
Романтизм / Символизм	Патафизика / Дадаизм
Соединительная, замкнутая форма	Дизъюнктивная, открытая антиформа
Цель	Игра
Замысел, план	Случай
Иерархия	Анархия
Мастерство / Знание	Истощение / Молчание
Объект искусства / Завершенная работа	Процесс / Перформанс / Хепенинг
Удаленность	Участие
Созидание / Соединение воедино	Разрушение / Деконструкция
Синтез	Антитезис
Присутствие	Отсутствие
Центрирование	Рассеивание
Жанр / Граница	Текст / Интертекст
Семантика	Риторика
Парадигма	Синтагма
Гипотаксис	Паратаксис
Метафора	Метонимия
Отбор	Сочетание
Корень / Глубина	Ризома / Поверхность
Интерпретация / Чтение	Отказ от интерпретации / Неверное истолкование
Обозначаемое	Знак, символ
«Читаемый» текст	«Пишущий» текст
Нарратив / Большая история	Антинарратив / Малая история
Мастер код	Уникальный лингвистический паттерн
Симптом	Желание
Типичный представитель	Мутант
Генитальный / Фаллический	Полиморфный / Гермафродитный
Паранойя	Шизофрения
Источник / Причина	Различие – Различие / След
Бог – отец	Святой дух
Метафизика	Ирония
Детерминированность	Неопределенность
Трансцендентность	Имманентность

ные (позднее их стали называть *парадигматическими* или *систематическими*), для описания естественных языков. Он предугадал, что синтагматические и парадигматические отношения соответствуют двум формам умственной деятельности человека. Его догадка позволила Р. Якобсону, выявившему оппозицию метафоры (парадигматика) и метонимии (синтагматика) в нелингвистических языках, Р. Барту и другим распространить идеи Ф. де Соссюра за пределы лингвистики в область семиотики, пе-

рейти от естественных языков к произвольным знаковым системам, используемым в культуре и искусстве, в системах организации знаний [Peters, Weller, 2008]. На наш взгляд, потребности последних дают наиболее сильный импульс к становлению и развитию синтагматического подхода.

Для начала XXI в. характерно быстрое увеличение объема, качества и разнообразия оцифрованной личностной информации, собираемой и используемой независимо от научной и прикладной психологии провай-

дерами сотовой связи и Интернета, владельцами камер видеонаблюдений, мобильных телефонов, банковских служб (депозитные и кредитные карты), вплоть до служб космического наблюдения за Землей. Информационные технологии способствуют сближению естественнонаучных, инженерных, социальных и гуманитарных дисциплин. Отметим, что эта потребность осознана в ряде дисциплин: науковедении [Ракитов, 2003а; 2003б], медицине [Ушаков, 2005], педагогике [Федотова, 2006] и т. д.

Согласимся далее под синтагмой, следуя А. И. Ракитову, понимать *систему знаний, правил и принципов, разработанных в разных науках, но сводимых вместе для решения важных практических проблем*. Это определение включает только когнитивные факторы, игнорирует социальные и нуждается в экспликации. Кроме того, существуют принципиально иные подходы к определению синтагмы, на которых мы останавливаться не будем [Kaiser A., Kaiser R., 2001]. Антропоцентрический подход позволяет свести воедино три понятия: «эпистема», «парадигма» и «синтагма», представив их как иерархические уровни жизненного мира отдельного ученого:

- *эпистема* (М. Фуко) означает коллективные изменяющиеся когнитивные структуры, «исторические априоры», связанные с культурно-историческим срезом эпохи. Это формально-логическая часть общественного сознания эпохи;

- *парадигма* (Т. Кун) означает коллективные внутринаучные структуры сознания, характерные для ученых в определенный исторический период;

- *синтагма* (А. И. Ракитов) означает индивидуальные черты мышления, складывающиеся у ученого в процессе познания определенных сфер действительности [Агапов, 2003].

По мнению А. И. Ракитова, «синтагматическая концепция имеет принципиальное значение не только в познавательном плане, но и в плане организации современной науки, определения механизмов ее использования во всех сферах экономики и общественной жизни и, главным образом, в выработке государственной научно-технологической политики и принятии соответствующих стратегических решений» [2003а. С. 132]. Парадигма Т. Куна выступала консолидирующим стержнем монодисциплинарного

естественнонаучного знания и была закреплена в учебнике. *Синтагма в трактовке А. И. Ракитова не связана с образцами научной деятельности или фундаментальной теорией*. Она, будучи задачей-ориентированной, многокомпонентной системой знаний, существует не только и не столько для удовлетворения когнитивных потребностей, сколько для решения практических проблем; является системообразующим стержнем полидисциплинарного знания и закрепляется, главным образом, в технологиях.

Научная синтагма представляет некий проект, программу или целостную систему знаний, правил и принципов, разнородных по своему эпистемологическому происхождению и статусу. В качестве наглядного образа реализации синтагмы можно использовать высотное здание, созданное в результате разработки архитектурного проекта, проведения инженерных расчетов и построения с учетом имеющихся ресурсов. На теоретическом уровне речь идет о специфике объектов, для которых парадигмальные конструкции неприемлемы, и требуются синтагматические знания. Примером являются *гетерархические системы*, превосходящие иерархические при увеличении сложности и скорости изменений [Bondarenko, 2007].

Рассмотрение социальных факторов, отсутствующих в представленной концепции синтагмы, позволяет описать специфику социогуманитарного знания, включенного в нее: «в социальных науках критерием принятия теории является ее выживаемость» [Лефевр, 2010]. *Трансформацию психологического знания в информационном обществе целесообразно описывать в терминах выживания и рисков*. Построение синтагматической системы может способствовать профессиональному общению ученых разных специальностей, созданию универсального научного языка; сделать науковедение основой государственной научной политики и инструментом изучения тенденций развития науки, техники и технологий.

Переход от научного метода к прикладной технологии

В последние годы многие страны, в том числе Россия, вкладывают значительные ресурсы в разработку *конвергентных (транс-*

формативных) технологий NBICS (N – Nano, B – Bio, I – Info, C – Cogno, S – Socio), что позволяет говорить о приближении новой фазы эволюции, стирающей границы между естественными и искусственными системами и способной, с антропологической точки зрения, изменить человека как вид. Обращает на себя внимание отсутствие буквы «P» – Psycho в аббревиатуре NBICS. Равноправное взаимодействие психологического сообщества с коллегами предполагает внесение равноценного вклада по сравнению с ними. Им могло бы стать чтение мыслей человека, изучение его «внутреннего мира» и неосознаваемых областей психики человека и животных объективными методами. Гипотетическое создание подобной технологии привело бы к множеству проблем, начиная от манипулирования сознанием, управления поведением до правовых и этических коллизий.

Дефицит эффективных технологий, основанных на научной психологии, подчеркивает поп-психология, большинство публикаций которой начинается со слова «как»: «Как научиться общаться?», «Как заводить друзей?», «Как читать человека как книгу?» [Юревич, 2010б]. Поп-психология в отличие от академической психологии демонстрирует прагматические установки и дает однозначные рецепты решения конкретных психологических проблем [Там же. С. 247]. В рамках академической психологии, считающей прикладную психологию наукой, а не ремеслом или искусством, напротив, подчеркивается аналогия, сходство между методом и технологией (последняя даже называется методом прикладной психологии): «Если в методах психологии содержится преимущественно знание о том, как *получать* психологическое знание, то в психологических технологиях – о том, как его *применять для решения практических задач*» [Юревич, 2005. С. 157].

Такой подход оправдан для естественных наук, в которых закономерный переход к инженерным приложениям демонстрируется на протяжении столетий. Уместен ли он по отношению к социогуманитарным наукам? Научный метод начинается с вопросов: что вас интересует и что вы хотите узнать? Ответы на многие «вечные» психологические вопросы не нужны ни для практики, ни для теории. Слабым местом психологических методов является то, что они задают не

те вопросы, что ведут к технологическому успеху.

Прогресс естественных наук, понимаемый как качественно-количественное изменение описания картины мира, принятое большинством специалистов, связан с рассмотрением: а) заведомо не существующих идеальных объектов; б) ненаблюдаемых микрообъектов; в) чрезвычайно удаленных макрообъектов; г) постулатов, связывающих их между собой и противоречащих здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции. Успех З. Фрейда, как и первых естествоиспытателей, был связан с введением несуществующих идеальных объектов («Я», «Оно», «Сверх-Я») и опорой на постулаты, противоречащие здравому смыслу (Эдипов комплекс, детская сексуальность). Успешная, принятая обществом наука агрессивно навязывает свою точку зрения большинству и противоречит житейским представлениям и стереотипам.

Современная психология испытывает дефицит «сумасшедших» идей и нуждается в междисциплинарной «парадигмальной прививке» [Кузнецова, 2004; Левин, 2000; 2001]. Однако успех на этом пути не гарантирован, как показывает пример В. Райха, предложившего теорию оргона – космической энергии, питающей фрейдовское либидо, и построившего на ее основе аккумуляторы оргонной энергии. Методы и теории психологии не удается трансформировать в эффективные технологии, они не ведут к созданию машин и приборов, ограничивающих присутствие или даже замещающих человека. Одна из причин заключается в том, что требования к технологиям и академическим исследованиям в психологии принципиально отличаются. Б. М. Величковский пояснил это различие следующим примером. Если у Вас в 90 % случаев в лаборатории наблюдается некий эффект, то это феноменальный результат. Но если на практике в среднем в девяти случаях из десяти выпускается шасси при посадке самолета, то это катастрофа. Технология должна работать в 100 % случаев.

Важной особенностью технологии является то, что она представляет собой «особую операциональную систему, осуществимую и осмысленную лишь в связи с техникой и зафиксированную в виде определенных знаний и навыков, выражаемых, хранимых и передаваемых в вербальной или

письменной форме» [Ракитов, 1991. С. 15–16]. Впоследствии А. И. Ракитов уточнил, что под технологиями понимает «целостную динамическую систему, включающую аппаратно-орудийные средства, операции и процедуры, правила, стандарты, эталоны и нормы технологической деятельности, управление технологическим процессом, необходимые для этого информацию и знания, энергетические, сырьевые, кадровые и иные ресурсы, а также совокупность ее экономических, социальных, экологических и иных последствий, определенным образом влияющих и изменяющих социальную и природную “среду обитания” данной системы» [Ракитов, 2003а]. В обоих определениях *необходимым элементом современной технологии является техника, аппаратно-орудийные средства*. Отношение современных психологов к аппаратуре неоднозначное: от безоговорочного принятия и гордости от обладания ею до скептического [Триандис, 2007. С. 240].

Выше отмечалось, что для начала XXI в. характерно быстрое и, кроме законов, ничем не ограниченное увеличение объема, качества и разнообразия оцифрованной личностной информации, собираемой и используемой независимо от научной и прикладной психологии. В совокупности с достижениями нейронауки и геномной инженерии это позволяет говорить о возможности технологического решения многих проблем, которые до этого рассматривались как доступные только человеку, и о необходимости пересмотра основ психологии в информационном обществе. О том, что он происходит, свидетельствует анализ электронных ресурсов PsycINFO, основанный на изучении индексов цитирования и использовании ключевых слов [Friman et al., 1993, 2000; Robins, Craik, 1994; Robins et al., 1998; 1999; Tracy et al., 2003]. Эмпирические исследования истории психологии демонстрируют тенденцию к ускоренному развитию тех разделов психологии, которые теснее прочих аффилированы с происходящими в обществе информационными процессами – когнитивной психологии и нейронауки. Трансформация психологических методов в наукоемкие прикладные технологии является императивом информационного общества, и оно предоставляет психологии все более совершенные инструменты для достижения целей, которые раньше представлялись недоступными.

Переход от американо- и европоцентризма к кросс-культурализму

Третьей по важности тенденцией трансформации психологического знания в условиях информационного общества (хотя этот порядок условен) является, на наш взгляд, переход от американо- и европоцентризма к кросс-культурализму. Не вызывает сомнений, что «основная масса данных, на которых строятся теоретические обобщения в современной психологии, добыта путем исследований, проведенных американскими и европейскими психологами, причем объектом этих исследований были жители стран Запада – главным образом, студенты университетов, и чаще всего американских» [Психология и культура, 2003. С. 17]. Вместе с тем подавляющая и все более возрастающая часть человечества проживает на Востоке. Влияние культуры на психологию людей осознается при непосредственных контактах представителей разных культур. Оно прослеживается как на уровне обществ, так и на уровне повседневного поведения.

На проведение исследований значительное влияние оказывает язык. С исторической точки зрения доминирование англо-американского языка в науке характерно для короткого промежутка времени. Наука в современном понимании слова зародилась в древней Греции. Начиная с 200 г. до н. э. и до эпохи Просвещения, XVIII в., основным был латинский язык, а затем наступила эпоха национальных языков. Выдающиеся достижения германских психологов позволяли считать их, как минимум, первыми среди равных. Поражения в мировых войнах подорвали позиции немцев, и после II Мировой войны английский стал языком международного научного общения. Сегодня наука предстает как *монолингвистический проект* [Krampen, 2009. P. 5]. Использование единственного языка облегчает кооперацию ученых, однако создает ряд проблем.

- *Ограничение областей и тем исследования.* Наукометрический анализ в немецкоязычных странах показал, что интернационализация высока в фундаментальных исследованиях и низка в прикладной психологии [Krampen et al., 2005].

- *Ограничение методологии.* Предпочтение отдается экспериментальным исследованиям (контролируемые эксперименты с

рандомизацией, применение современных методов статистической обработки).

- *Публикуйся на английском языке или гибли (Publish in English or perish)*. Интернационализация облегчает публикацию экспериментальных исследований, для которых есть шаблон в виде стиля Американской психологической ассоциации. Однако в случае публикации теоретических и методологических исследований требования к языку выше. Они ставят в невыгодное положение ученых, особенно молодых, для которых английский не является родным языком.

- *Сдвиг в компьютерных базах данных*. Оценка вклада отдельных психологов, кафедр, факультетов, университетов, журналов во многом основана на анализе коммерческих баз данных (PsycInfo Американской психологической ассоциации, Web of Science компании Thomson Scientific, Scopus компании Elsevier), отдающих предпочтение публикациям на английском языке и игнорирующих публикации на национальных языках. Из 3 000 российских научных журналов лишь около 150 представлены в зарубежных базах, а более чем из 4 000 китайских – в SCI представлено только 30. Это заставило такие страны, как Китай, Япония, Тайвань и Россия создавать собственные индексы цитирования. В настоящее время Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) аккумулирует более двух миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций более чем из 2 000 российских журналов, однако использовать РИНЦ для оценки результативности и эффективности деятельности научно-исследовательских организаций, ученых, уровня психологических журналов в настоящее время рискованно из-за неполноты предоставляемой информации.

Актуальность изучения организационных аспектов кросс-культурных исследований для России обусловлена ее длительной изоляцией от международного сообщества, имевшей как позитивные, так и негативные последствия. Оценивая текущую ситуацию в экономических терминах, можно сказать, что Россия производит значительное количество психологической продукции различного качества, в основном, для внутреннего потребления, а ее экспорт значительно уступает импорту. Для достижения баланса, психологической безопасности страны, ре-

презентативности российской психологии в мировой науке, повышения ее уровня конкурентоспособности, возвращения в мейн-стрим мировой психологии [Юревич, 2010a] отечественным ученым предстоит провести кардинальные реформы. Одним из возможных и эффективных инструментов представляется *копродукция*, проведение совместных исследований с зарубежными коллегами.

Интернационализации психологических исследований посвящен цикл работ Дж. Адаира и К.-Л. Хьюн [Adair, Huynh, 2011a; 2011b]. Исходными данными для него являются журнальные публикации в ведущих англоязычных журналах и первые авторы публикаций (точнее, их принадлежность к той или иной стране, показывающая, где было выполнено исследование – англоязычная культурная традиция!). Список журналов не является репрезентативным, а их подбор демонстрирует американоцентризм. Тем показательнее полученные результаты.

Исходные данные сгруппированы по трехгодичным блокам: 1980–1982, 1990–1992, 2000–2002, 2003–2005 и 2006–2008. С их помощью Дж. Адаир выделил 14 ведущих стран (статус определялся по количеству публикаций в важнейших журналах, $n \geq 10$; табл. 3). Результат, как отмечалось выше, ожидаемый: в списке отсутствуют не только Россия, но и Китай, Сингапур, Тайвань, Япония. Однако выводы о динамике исследовательской продуктивности нетривиальны: доминирующее положение США в мире психологии пошатнулось; США «первые среди равных»; изменения связаны с западными странами, прежде всего, с Великобританией, Канадой, Германией и Нидерландами; в сравнении с другими ведущими странами США имеют меньше публикаций в международных журналах и меньше вовлечены в международное сотрудничество, однако сотрудничают с большим количеством стран, чем остальные страны; западная Европа опережает США в области экспериментальной психологии, но США сохраняют лидерство в сферах, связанных с культурой (клиническая, социальная психология); ведущие страны предпочитают сотрудничество с себе подобными. Низкая представленность остальных стран ($n = 91$) объясняется неразвитостью в них научной психологии и слабой экономикой, при этом

Таблица 3

Ведущие страны по публикациям в важнейших журналах (2000–2008 гг.)

Страны	Общее количество статей	Журналы (%)		
		важнейшие	вторичные	международные
США	7 862	70	25	5
Великобритания	962	75	7	18
Канада	907	67	23	10
Германия	551	71	15	14
Нидерланды	499	68	17	15
Австралия	307	59	28	13
Израиль	190	59	18	23
Бельгия	109	66	21	13
Новая Зеландия	70	64	26	10
Швейцария	56	68	12	21
Франция	143	39	49	12
Италия	79	26	66	7
Испания	58	25	62	12
Швеция	56	46	39	15

Таблица 4

Ведущие страны бывшего Восточного блока и остального мира по публикациям в научных журналах

Страны	Журналы (%)			ICP	ICAP
	важнейшие	международные	вторичные		
Китай	18	22	25	1 025	215
Корея	12	13	42	97	62
Сингапур	10	15	14	46	115
Тайвань	7	14	116	85	86
Турция	6	19	95	37	98
Польша	6	2	18	118	67
ЮАР	1	1	88	203	169
Эстония	2	8	13	31	10
Иран	0	3	55	214	230
Кувейт	0	1	53	4	6
Бразилия	0	7	40	337	194
Мексика	1	14	6	264	240
Индия	0	5	16	250	199
Хорватия	0	3	12	26	35
Венгрия	4	1	8	31	37
Россия	0	3	1	316	71

авторы удивляются, почему Китай, Япония и Россия не попали в список ведущих стран.

Во втором исследовании Дж. Адаир поделил мир психологии на четыре части: 1) США; 2) экономически развитые страны; 3) страны бывшего Восточного блока; 4) ос-

тальные страны. В центре внимания данного исследования находится участие третьей и четвертой части в мейнстриме мировой психологии. Оцениваются: международная видимость – по программам международных конгрессов и международным индексам публикаций (PsycLIT); международное уча-

стие – по росту числа участия в конгрессах, вторичных и международных журнальных публикаций; международный вклад – по числу публикаций в важнейших журналах; международное сотрудничество – по прямому вкладу в дисциплину, по влиянию на другие страны и поддержке их исследований. В результате было выделено 15 ведущих стран бывшего Восточного блока и остального мира. Россия в их число не попала, и была добавлена автором в табл. 4 для сравнения.

В табл. 4 приняты следующие обозначения: ICP – международный психологический конгресс (оценивались данные за период с 1996 по 2004 г.);

ICAP – международный конгресс по прикладной психологии (1982–2006).

Результаты, несмотря на нерепрезентативность выборки журналов и устаревшие данные по участию в конгрессах (например, на Европейском психологическом конгрессе в Стамбуле в 2011 г. российская делегация – 100 человек – была одной из самых многочисленных), неутешительны для России. Российские психологические журналы неизвестны на Западе и не оказывают влияние на мировую психологию.

Дополним анализ изложением европейской позиции. Для оценки психологической активности в сфере международных публикаций Б. Величковский воспользовался базой данных ScienceDirect и сравнил четыре европейские страны: Россию, Украину, Польшу и Германию на протяжении 1996–2007 гг., разбив изучаемый период на три четырехгодичных отрезка: 1996–1999, 2000–2003 и 2004–2007 [Velichkovsky, 2009]. Украина показала наихудшие результаты с отрицательной динамикой по четырехлетним отрезкам. Германия – наилучшие, удвоив продукцию за рассматриваемый период. Россия – сопоставимые с Польшей, однако поляки продемонстрировали положительную динамику по четырехлетним отрезкам, а россияне – отрицательную. На основании статистических данных Б. Величковский сделал вывод о том, что в России ограниченное количество авторов способно соответствовать международным стандартам, их число сравнимо с характерным для европейской страны средних размеров, и оно уменьшается. Он предположил, что это объясняется утечкой мозгов (российские авторы покидают страну и меняют

гражданство), существующими языковыми и теоретическими барьерами, а также тем, что российские фонды, финансирующие исследования, поддерживают публикацию результатов только в отечественных журналах.

Несмотря на экономические и организационные проблемы, теоретические разногласия, тенденция развития мировой психологии такова, что, кроме США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, развитых западноевропейских стран, в ней как равные среди равных будут присутствовать Россия, Китай, Япония, Индия, Тайвань, Сингапур, Корея, Турция, Иран, другие арабские страны и страны Африки, восторжествует идея кросс-культурализма.

Список литературы

Аганов О. Д. Герменевтический и феноменологический подходы к пониманию интерпретации // Вестн. ТИСБИ. 2003. № 3.

Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988.

Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Этюды о симметрии. М.: Мир, 1971. С. 87–103.

Гарбер И. Е. «Прогресс психологии» как культурный конструкт // Прогресс психологии: критерии и признаки / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 77–94.

Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Изд-во ТГУ, 2005.

Кузнецова Н. И. Возможна ли дисциплинарная история науки? // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 99–113.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001.

Лакатос И. Методология исследовательских программ. М.: АСТ: Ермак, 2003.

Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000.

Левин К. Динамическая психология: Избр. тр. М.: Смысл, 2001.

Лефевр В. А. Недетские игры рефлексивного управления // Знание – сила. 2010. № 3. С. 83–85.

Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998.

Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб.: Питер, 2003.

Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991.

Ракитов А. И. Наука и науковедение XXI века // Вестн. РАН. 2003а. Т. 73, № 2. С. 128–138.

Ракитов А. И. Новой науке – новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // Науковедческие исследования: Сб. науч. тр. / Под ред. А. И. Ракитова. М., 2003б.

Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990.

Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995.

Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007.

Ушаков И. Б. Качество жизни и здоровье человека. М.: Воронеж: Истоки, 2005.

Федотова О. Д. От парадигмы к синтагме? // Современные проблемы педагогики: парадигма науки и тенденции развития образования: Материалы Всерос. метод. конф.-семинара: В 2 ч. / Под ред. В. В. Краевского. Краснодар: КубГУ, 2006. Ч. 1: Парадигма педагогики в контексте развития научного знания. С. 80–85.

Юревич А. В. Системный кризис психологии // Вопр. психологии. 1999. № 2. С. 3–11.

Юревич А. В. Психология и методология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Юревич А. В. Российская психология в мировом мейнстриме // Вопр. психологии. 2010а. № 1. С. 3–14.

Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010б.

Adair J. G., Huynh C.-L. Internationalization of Psychological Research: Productivity of the USA and Other Leading Countries. Paper presented at the 12th European Congress of Psychology. Istanbul, 2011a.

Adair J. G., Huynh C.-L. Majority-World Participation in International Psychology: A Conceptual Model and Empirical Analysis of Leading Countries. Paper presented at the Regional Conference of the International Association for Cross-Cultural Psychology. Istanbul, 2011b.

Anderson N. Toward a Strategic Plan for APA // Monitor on Psychology. 2008. Vol. 39. No. 6. P. 9.

Bird A. Thomas Kuhn // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2004. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/thomas-kuhn/>.

Bondarenko D. M. What Is There in a Word? Heterarchy, Homoarchy and the Difference in Understanding Complexity in the Social Sciences and Complexity Studies // Explorations in Complexity Thinking: Pre-Proceedings of the 3rd Intern. Workshop on Complexity and Philosophy / Eds. K. A. Richardson, P. Cilliers. Mansfield, MA: ISCE Publishing, 2007. P. 35–48.

Danziger K. Naming the Mind. How Psychology Found its Language. L.: SAGE Publications, 1997.

Friman P. C., Allen K. D., Kerwin M. L., Larzelere R. Changes in Modern Psychology: A Citation Analysis of the Kuhnian Displacement Thesis // American Psychologist. 1993. Vol. 48. P. 658–664.

Friman P. C., Allen K. D., Kerwin M. L., Larzelere R. Questionable Validity, Not Vitality // American Psychologist. 2000. Vol. 55. P. 274–275.

Kaiser A., Kaiser R. Studienbuch Pädagogik. Grund – und Prüfungswissen. Berlin: Cornelsen Scriptor, 2001.

Krampen G. Introduction and some Ideas as well as Visions on an Open Access European Psychology Publication Platform // Psychology Science Quarterly. 2009. Suppl. 1. Vol. 51. P. 3–18.

Krampen G., Montada L., Schui G., Müller M. Internationalität und Internationalisierung der deutschsprachigen Psychologie. Göttingen: Hogrefe, 2005.

Moleski M. X. Polanyi vs. Kuhn: Worldviews Apart // Tradition & Discovery. The Polanyi Society Periodical. 2006. Vol. 33. No. 2. P. 8–24.

Peters I., Weller K. Paradigmatic and Syntagmatic Relations in Knowledge Organization Systems // Information – Wissenschaft und Praxis. 2008. Vol. 59. No. 2. P. 100–107.

Postmodern American fiction: a Norton anthology / Eds. P. Geyh, F. Leebron, A. Levy. N. Y.: W.W. Norton, 1998.

Preston J. Paul Feyerabend // Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2009. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/feyerabend/>.

Robins R. W., Craik K. H. The Rise and Fall of Scientific Paradigms: Citation Trends as Tests of a Kuhnian Displacement Thesis. Department of Psychology, University of California, Berkeley, 1994.

Robins R. W., Gosling S. D., Craik K. H. Psychological Science at the Crossroads // *American Scientist*. 1998. Vol. 86. P. 310–313.

Robins R. W., Gosling S. D., Craik K. H. An Empirical Analysis of Trends in Psychology // *American Psychologist*. 1999. Vol. 54. P. 117–128.

Spohrer J. NBICS (Nano – Bio – Info – Cogno – Socio) Convergence to Improve Human Performance: Opportunities and Challenges // *Converging Technologies for Improving Human Performance* / Eds. M. C. Roco, W. S. Bainbridge. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003. P. 101–116.

Tracy J. L., Robins R. W., Gosling S. D. Tracking Trends in Psychological Science:

An Empirical Analysis of the History of Psychology // *The Life Cycle of Psychological Ideas: Understanding Prominence and the Dynamics of Intellectual Change (Path in Psychology)*. Kluwer Academic Plenum Publishers, 2003. P. 105–130.

Velichkovsky B. B. Open Access Publishing – A Challenge for Russian Psychology // *Psychology Science Quarterly: Proc. of the Workshop on European Psychology Publication Issues*. 2009. Vol. 51. Suppl. 1. P. 147–159.

Материал поступил в редколлегию 21.10.2011

I. E. Garber

TENDENCIES OF MODERN PSYCHOLOGY

Based upon V. Klochko's transpective analysis, three interrelated tendencies of modern psychology are considered: the shift from T. Kuhn's paradigms that do not play instrumental role in psychology to syntagms; from scientific method to applied technology, and from mono-cultural psychology to cross-cultural psychology.

Keywords: transpective analysis, paradigm, syntagm, method, technology, americocentrism, eurocentrism, cross-cultural psychology.